

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
ТАТАРИЯ

от 3-го ИЮЛЯ 1978

Газета № . . . .

г. Казань

ПОДЛИННОСТЬ ЧУВСТВ

У НАС
НА ГАСТРОЛЯХ

Василий Шукшин и притягателен для театра своей цепкой и точной наблюдательностью, пронзительным беспокойством за человеческую совесть, упорным стремлением докопаться до сути явления, досконально разобраться в глубинных мотивах человеческих поступков. Острая конфликтность ситуаций, реальность характеров делают шукшинскую прозу чрезвычайно сценичной.

В обращении Лидецкого драматического театра к произведению Шукшина «А поутру они проснулись...» сразу «всплывают» его же «Характерами» выражается, очевидно, не просто любовь и интерес к творчеству популярного автора, не просто желание познакомить зрителя с произведениями, лучшими жемчужинами жизни на московских сценах. В этом обращении прослеживается определенная позиция театра, созвучная основной направленности творчества драматурга: внимание к человеку, стремление к исследованию современного характера, его социальной сущности.

Шукшин предельно точен, порой до натурализма, необычайно искренен. Его натурализм при этом отнюдь не цель, а средство в стремлении как можно глубже разобраться в сути явления, характера, добраться до истоков того и другого. Найти соответствующие сценические средства для передачи этих особенностей драматургического материала чрезвычайно важно, чтобы остаться верным творческой задаче, художническим принципам писателя. И здесь многое удалось театру. Сценическое пространство обставлено предельно скупо, с помощью подлинных предметов быта. Тесно расставленные койки, железная входная дверь, актеры в том же виде, в каком только и могут находиться обитатели мельчайшего, дежурной милицейской, сидящий у аварийного, и театральные сумки создают ту среду, те условия, в которых производится экспери-

мент по исследованию социального явления и человеческого характера.

В таком соединении условности и реальности есть свой смысл. Шукшина противопоставлена театральщина, подробная иллюзорность. Главное — человек во всех своих проявлениях, со всеми понятными сложностями и непонятной простотой.

Шукшин мало заботился о драматургической строгости своих произведений. Он откровенно ушелен в использовании того или иного приема, того или иного средства, — ему важно явление и процессе его исследования. И в этом театр поверил писателю, не стараясь спрятать драматургические швы. Вообще в спектакле (режиссер П. Гулько, художник Д. Боровский, руководитель постановки И. Райхельгауз) прежде всего ощущается огромное уважение постановочного коллектива к автору, какая-то необыкновенная трепетность в отношении к каждому его слову.

Театр ничего не придумывает для оправдания появления сценического персонажа, легко и просто возникают на площадке персонажи из льняных историй. Все это очень естественно и вполне соответствует самому стилю шукшинского письма. Ибо для писателя цена не правда иллюзии, а правда факта, правда человеческого отношения к этому факту, человеческого переживания. И уж здесь Шукшин требователен к себе чрезвычайно, потому так узнаваемы и вместе с тем так притягательны его герои. Вот здесь и заключается главная трудность. Иа сцена должна господствовать подлинности чувства, безминутность переживаний, без них — это непременно условие драматурга — эксперимент по исследованию человеческой души, человеческого характера просто не может состояться.

Как легко актеру оказаться в плену привычных штампов, приемов, зная по многолетнему опыту, чем можно понравиться публике, в уж в том материале, который предлагает Шукшин, это легко тем более — выбор его героев, сама ситуация уже предопределяет определенное к себе отношение — такое добродушно-сочувственное. Еще бы — мельчайший, и попали туда, как выстуеет из рассказов, все вроде бы случайно и даже чуть ли не из самых лучших побуждений! Ситуация, которая заставляет поверить в себя моментально, а дальше уже полный простор актеру раскрывать перед публикой душу героя.

Но в том-то и дело, что за этой обычной ситуацией кроется весьма серьезная мысль, непреклонное намерение драматурга разобраться в подлинных причинах предлагаемого к исследованию явления, за смешными, неправдоподобными житейскими историями сквозит авторское беспокойство по поводу именно этой обычности в распространности явления. И это исследование драматург предлагает произнести сейчас, сию минуту, не подводя нас обязательно к какому-то громким прописным истинам, а предлагая просто задуматься над, казалось бы, обычными и понятными фактами и увидеть за ними нечто большее, чем самый факт.

Каждый из этих людей оказался в мельчайшем в силу определенной закономерности, существующей или в его характере, или в каких-то обстоятельствах. Вот эту судьбу мы и должны увидеть, почувствовать. Задача сложная для актера — сквозь смешную ситуацию, сквозь нелепые проявления характера персонажа провести авторское отношение к безответственности человеческого существования. В этой связи особенно хочется отметить работу молодого актера Л. Олькайна в роли Очкарика, который, как кажется, почувствовал и передат самую направленность авторского материала. Он ничуть не оправдывает своего героя, просто он, актер, очень хочет его понять, искренне и объективно разобраться в мотивах его поступков для того, чтобы вместе со зрителями — здесь, сейчас — решить вопрос: кто виноват в случившемся? Именно эта актерская искренность и делает данную работу убедительной и интересной. Олькайнен не представляет своего героя, а стремится прожить вместе с ним каждую минуту его сценического существования, исследование его характера ведется в нашем присутствии, что как раз и соответствует условию предлагаемого драматургом эксперимента.

Ж сожалению, далеко не все исполнители добиваются этой правды и искренности. Особенно иллюстративными выглядят вставные эпизоды, где, очевидно, неверно определен сам принцип решения.

В целом же работа театра заслуживает бесспорного одобрения. Реакция зрительного зала, переходящая постепенно в все более уверенно от безудержного веселья к напряженному вниманию, — лучшее тому доказательство.

Ю. БЛАГОВ.